А.СТРУГАЦКИЙ
Б.СТРУГАЦКИЙ

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС

электронное издание

«Спонтанный рефлекс» — рассказ,
написанный А. и Б. Стругацкими
в 1958 году.
Впервые был опубликован
в журнале "Знание - сила" в 1958г. №8.
Неоднократно переиздавался
в составе различных сборников.

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

2014г.

Спонтанный

научно-фантастический рассказ

Урму стало скучно.

Собственно, скука, как реакция на однообразие и монотонность обстановки, или внутренняя неудовлетворенность самим собой, потеря интереса к жизни, свойственна только человеку и некоторым животным. Для того чтобы скучать, нужно, так сказать, иметь то, чем скучать, – тонко и совершенно организованную нервную систему. Нужно уметь мыслить или, по крайней мере, страдать. У Урма не было нервной системы в обычном смысле слова, и он не умел мыслить. Тем более он не умел страдать. Он только воспринимал, запоминал и действовал. И тем не менее ему стало скучно.

Все дело было в том, что вокруг него, после ухода Хозяина, не осталось ничего нового, что можно было бы запомнить. Между тем накопление новых впечатлений было основным стимулом, направляющим деятельность Урма и побуждающим его к деятельности. Его обуревало ненасытное любопытство, ненасытная жажда воспринять и запомнить как можно больше. Если неизвестных фактов и явлений не было, их следовало найти.

Но обстановка вокруг Урма была знакома ему до последней черточки, до последнего оттенка. Это обширное квадратное помещение с серыми шероховатыми стенами, низким потолком и железной дверью он помнил с первого момента своего существования. Здесь всегда пахло нагретым металлом и изоляционным маслом. Откуда-то сверху доносился невнятный низкий гул – люди не могли слышать его без специальных приборов, но Урм слышал отлично. Лампы дневного света под потолком были по-

гашены, и тем не менее Урм отлично видел комнату в инфрасвете и в импульсах локаторов.

Итак, Урму стало скучно, и он решил отправиться на поиски новых впечатлений. После ухода Хозяина прошло полчаса. Опыт подсказывал Урму, что теперь Хозяин вернется не скоро. Это было очень важно, потому что однажды Урм предпринял небольшую прогулку по комнате без приказа, и Хозяин, заставший его за этим занятием, сделал так, что Урм не в состоянии был пошевелить даже рогом локатора. Теперь, по-видимому, этого можно было не опасаться.

Урм качнулся и тяжело шагнул вперед. Цементный пол загудел под его толстыми каучуковыми подошвами, и Урм на мгновение остановился, чтобы послушать, и даже нагнулся. Но в гамме звуков, излучаемых вибрирующим цементом, не было ни одного незнакомого, и Урм снова устремился к противоположной стене. Он подошел к ней вплотную и понюхал. Стена пахла мокрым бетоном и ржавым железом. Ничего нового. Тогда Урм повернулся, царапнув стену острым стальным локтем, пересек комнату по диагонали и остановился перед дверью. Открыть дверь было не так просто, и Урм не сразу сообразил, как это сделать. Потом, вытянув зубчатую клешню левой руки, ловко ухватился за рычажок замка и повернул его. Дверь отворилась со слабым протяжным скрипом. Это было занятно, и Урм провел несколько минут, открывая и закрывая дверь, то быстро, то медленно, прислушиваясь и запоминая. Затем он переступил через высокий порог и оказался перед лестницей. Лестница была узкая, с каменными

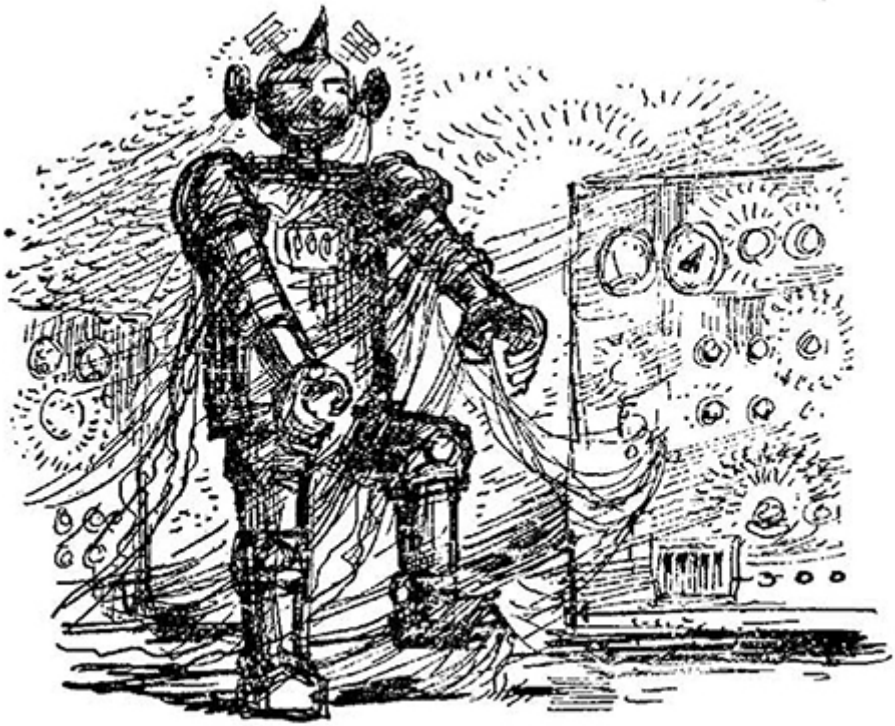
ступеньками и довольно высокая. Урм мгновенно насчитал восемнадцать ступенек до первой площадки, где горел свет. Затем он неторопливо двинулся наверх. От площадки вела еще одна лестница, деревянная, с десятью ступеньками, справа открывался широкий коридор. Поколебавшись, Урм свернул направо. Он не знал почему. Коридор был не более любопытен, чем лестница. Но возможно, Урму не очень понравились деревянные ступени.

Из коридора тянуло теплом, он был ярко освещен инфрасветом. Инфрасвет излучался рубчатыми цилиндрами, подвешенными невысоко над полом. Урм никогда прежде не видел батарей парового отопления, и рубчатые цилиндры заинтересовали его. Он нагнулся и подцепил один из них обеими клешнями. Раздался короткий треск и скрежет металла, густое облако горячего пара поднялось к потолку. Под ноги Урма хлынула струя кипящей воды. Урм поднял цилиндр к голове, внимательно осмотрел его, обследовал рваные края трубки. Затем цилиндр был отброшен в сторону, и подошвы Урма захлюпали по лужам. Урм дошел до конца коридора. Там над низкой дверью вспыхнула красная надпись. «Осторожно! Без спецкостюма не входить!» – прочел Урм. Он знал слово «осторожно», но знал также и то, что слово это всегда относится к людям. К нему, Урму, это слово относиться не могло. Он вытянул руку и толкнул дверь.

Да, здесь было много интересного и нового. Он стоял у входа в обширный зал, заполненный металлическими, каменными и пластмассовыми предметами. Посредине

зала возвышалось на метр круглое бетонное сооружение, похожее на плоскую тумбу, накрытое железным или свинцовым щитом. Многочисленные кабели разбегались от него к стенам, вдоль которых тянулись мраморные щиты с блестящими приборами и рукоятками рубильников. Вокруг бетонной тумбы была изгородь из медной проволоки, с потолка свисали коленчатые блестящие палки. Палки оканчивались щипцами и клешнями, такими же, как на руках у Урма.

Урм, неслышно ступая по кафельному полу, приблизился к медной сетке и обошел ее вокруг. Затем постоял и обошел еще раз. Прохода в сетке не оказалось. Тогда Урм поднял ногу и без усилия прошел



сквозь сетку. Рваные клочья медной паутины повисли у него на плечах. Но, не доходя двух шагов до бетонной тумбы, он остановился как вкопанный. Его круглая, как школьный глобус, голова настороженно поворачивалась вправо и влево, оттопырились и шевелились эбонитовые раковины акустических рецепторов, вздрагивали рога локаторов. Свинцовая крышка на тумбе излучала инфрасвет, заметный даже в этом нагретом помещении. Но кроме того, от нее исходило какое-то ультра-излучение. Урм хорошо видел в рентгеновских и гамма – лучах, и ему показалось, что крышка прозрачна и под ней открывается узкий бездонный колодец, наполненный светящейся пылью. В недрах памяти Урма всплыл приказ: немедленно уходить отсюда. Урм не знал, когда и кем был отдан этот приказ. Вероятно, Урм так и появился на свет, уже зная его, как он знал многое другое. Но Урм не подчинился приказу. Любопытство оказалось сильнее. Он нагнулся над тумбой, протянул клешни и с некоторым усилием поднял крышку.

Поток гамма-света ослепил его. На мраморных щитах тревожно замигали красные огни, завыла сирена. На мгновение сквозь прозрачные силуэты своих рук он увидел внутренность бетонной ямы, затем бросил крышку, провозгласив низким хриплым голосом:

– Опасность! Гефар! Дэйнжэр! Вэйсянь! Абунай!

По залу прокатилось и замерло гулкое эхо. Урм повернул верхнюю часть тела на сто восемьдесят градусов и поспешно направился к выходу. Шок, вызванный потоком радиоактивных частиц в контрольных счетчиках, гнал его прочь от бетонной тумбы. Разумеется,

ни самое жесткое излучение, ни мощные потоки частиц не могли бы причинить Урму ни малейшего вреда; даже пребывание в активной зоне реактора не грозило бы ему тяжелыми последствиями. Но, создавая Урма, хозяева, вложили в него стремление держаться как можно дальше от источников излучений большой интенсивности. Урм вышел в коридор, тщательно прикрыл за собой дверь и, перешагнув через ребристый цилиндр парового отопления, снова оказался на лестничной площадке. Там он сразу увидел Человека, торопливо спускавшегося по деревянной лестнице.

Человек этот был гораздо меньше ростом, чем Хозяин. На нем была просторная светлая одежда, волосы его были непривычно длинные, золотистого цвета. Таких людей Урм еще никогда не видел. Он потянул в себя воздух и ощутил знакомый запах белой сирени. Иногда точно так же, но гораздо слабее пахло от Хозяина.

На площадке царил полумрак, лестница позади девушки была ярко освещена, и девушка не сразу разглядела громоздкие очертания огромной фигуры Урма. Впрочем, услыхав его шаги, она остановилась и сердито окликнула:

– Кто там? Это ты, Ивашев?

– Здравствуйте, как поживаете? – сипло сказал Урм.

Девушка взвизгнула. Из полутьмы на нее надвигалась блестящая голова с выпуклыми стеклянными глазами, непомерно широкие бронированные плечи, толстые коленчатые руки. Урм ступил на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, и девушка завизжала снова.

Еще ни разу не случалось, чтобы Человек не откликнулся на его приветствие. Но этот странный высокий звук, резкий, пронзительный и, несомненно, нечленораздельный, не подходил под стандарты ответов, известных Урму. Заинтересованный Урм решительно двинулся вслед за пятившейся девушкой. Деревянные ступеньки ныли и трещали под его ногами.

– Назад! – крикнула девушка.

Урм остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

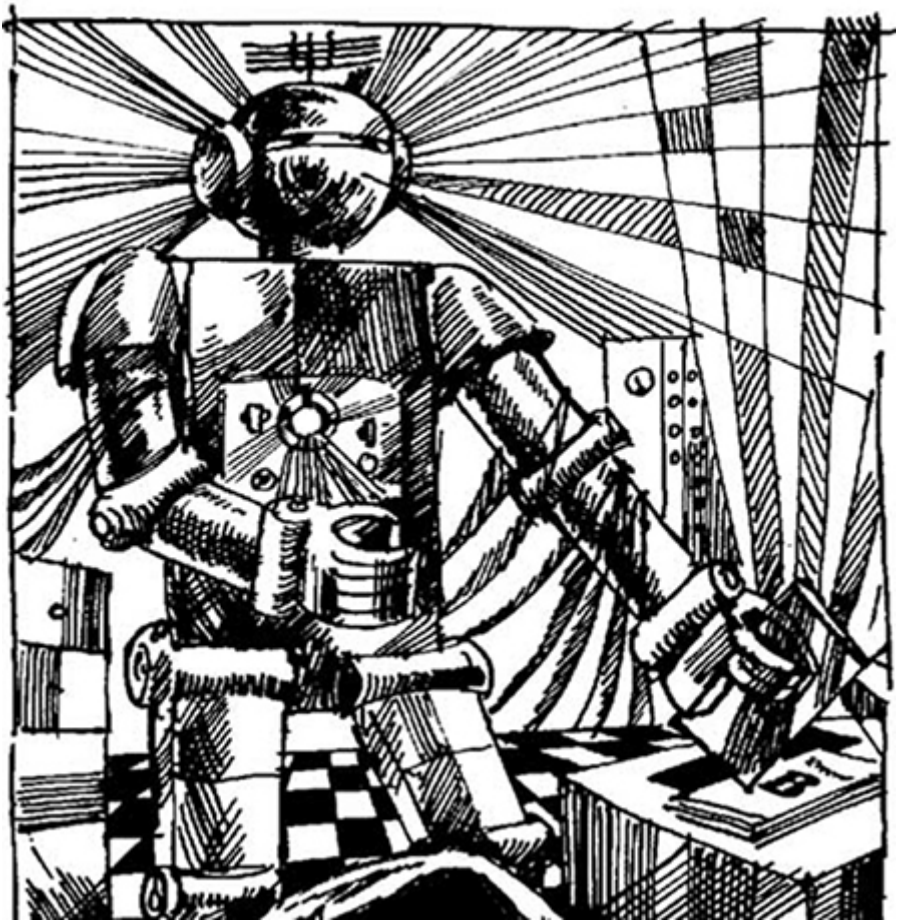
– Назад, ты, урод!

Команда «назад» была известна Урму. По этой команде надо было повернуть верхнюю часть тела кругом и сделать несколько шагов в обратном направлении до команды «стоп». Но обычно приказы исходили от Хозяина, и кроме того, Урму хотелось исследовать. Он снова стал подниматься, пока не очутился перед входом в небольшую светлую комнату.

– Назад! Назад! Назад! – кричала девушка.

Урм больше не останавливался, хотя шел медленнее, чем мог бы. Его заинтересовала комната –

два письменных стола, стулья, чертежная доска, шкаф с книгами и толстыми папками. И пока он выдвигал ящики, распускал завязки на папках и читал вслух надписи, четко выведенные черной тушью на краях чертежа, девушка выскользнула в соседнее помещение, укрылась за диваном и схватила телефонную трубку. Урм видел это, так как он имел оптический рецептор на затылке, но маленький длинноволосый человек больше не интересовал его. Ступая по разбросанным по полу



бумагам, он направился дальше. За его спиной девушка кричала в телефон:

– Николай Петрович? Николай Петрович, это я – Галя! Николай Петрович, к нам ворвался Урм. Ваш Урм! Урм! Ульяна – Роберт – Мама… Вы слышали сирену? Да! Не знаю… Я встретила его, когда он выходил из зала большого реактора… Да, да, он был в реакторной… Что? По-видимому, нет. На центральном пункте уже знают…

Урм не стал слушать. Он вышел в фойе и там остановился как вкопанный, усиленно двигая черными рогами локаторов. На противоположной стене висело что-то большое, блестящее и холодное. Оно казалось серым непроницаемым квадратом в инфрасвете и сверкало и серебрилось в обыкновенных лучах, но не это смутило Урма. В странном квадрате стояло черное чудовище с шевелящимися рогами на голове, круглой, как школьный глобус, и Урм не мог понять, где оно. Визуальный дальномер мгновенно сообщил ему, что до незнакомого предмета двенадцать метров восемь сантиметров, но локатор опроверг это сообщение. «Никакого предмета нет. Есть гладкая, почти вертикальная поверхность на расстоянии… шесть метров четыре сантиметра». Урму до сих пор никогда не приходилось видеть ничего подобного, и никогда еще локатор и зрительные рецепторы не давали ему столь противоречивых показаний. В его организме с самого начала была заложена потребность делать ясным и понятным все, с чем приходится соприкасаться, и он решительно пошел вперед, мимоходом отмечая и запоминая выяс-

нившуюся закономерность: «Расстояние по зрительному дальномеру равно расстоянию по локатору, умноженному на два»… Он вошел в зеркало. Стекло разлетелось звенящим дождем осколков, и Урм, упершись в стену, остановился. Очевидно, делать здесь было больше нечего. Урм поцарапал штукатурку, понюхал, повернулся и, не обращая внимания на белого, как бумага, дежурного милиционера, повисшего на сигнале тревоги, хрустя по битому стеклу, шагнул к выходной двери. Снег и метель обступили его.

* * *

Когда Николай Петрович бросил трубку, Пискунов уже был в передней и торопливо натягивал шубу.

– Ты куда?

– Туда, разумеется…

– Погоди, надо решить, что делать. Если эта махина начнет резвиться по всей электростанции…

– Хорошо, если только по электростанции, – прервал его Рябкин. – А лаборатории? А склады? А если он заглянет сюда, в городок?

Николай Петрович напряженно думал. Пискунов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держась за ручку двери.

– Надо бежать туда всем вместе, – робко предложил Костенко. – Найти его и… ну, и схватить!

Пискунов только поморщился, а Рябкин, рывшийся на вешалке в поисках своей дохи, сердито крикнул:

– Хорошенькое дело – схватить! За что прикажете? За

штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака – триста кило… Чушь какая! Ты, Костенко, человек новый у нас, так уж помалкивай…

– Вот что, – сказал Королев. – Сделаем так. Я сейчас позвоню в общежитие, подниму практикантов. Ты, Рябкин, беги в автопарк… Ах, черт, ведь все, наверное, в клубе… Все равно беги, найди хотя бы трех шоферов. Нужно вывести тракторы-бульдозеры… Так, Пискунов?

– Да, да, и поскорее. Только…

– Ты, Пискунов, ступай к институту. Разведай, где Урм, и немедленно звони в автопарк. Костенко, отправляйся с ним. Ясно? Дьявол, только бы он не выбрался за ворота!

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, они выскочили на крыльцо. Рябкин, поскользнувшись, боднул головой в спину Костенко, и тот с размаху упал на четвереньки.

– Черт! Вот черт!

– Что, очки?

– Нет, все в порядке…

Свирепый ветер гнал тучи сухого снега над землей, жалобно выл в проводах, густо гудел в железном кружеве высоковольтных столбов. Из окон коттеджа на сугробы падали мутные желтые прямоугольники света, все остальное было погружено в непроглядную тьму.

– Ну, я пошел, – сказал Рябкин. – Осторожнее там, друзья, не подставляйте зря головы.

Он снова споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинячьего

Урма и вообще всех, причастных к происшествию. Затем его светлая доха мелькнула у калитки и скрылась в вихрях крутящегося снега.

Пискунов и Костенко остались одни.

Костенко зябко поежился.

– Не понимаю, – проговорил он. – При чем здесь тракторы?

– А что бы вы предложили? – осведомился Пискунов.

– Нет, я просто не понимаю… Вы хотите разрушить Урма?

Пискунов коротко вздохнул.

– Урм – это уникальная машина, творческий отчет Института экспериментальной кибернетики за последние несколько лет работы. Понимаете? Как же я могу желать его гибели?

Он подобрал полы дохи и полез через сугроб Смущенный и оробевший Костенко последовал за ним. Впереди лежало заснеженное поле, за ним – шоссе. По

ту сторону шоссе была электростанция.

Чтобы сократить путь, Пискунов свернул с шоссе и двинулся по пустырю, на котором еще с осени был заложен котлован для нового здания. Костенко слышал, как Пискунов бормочет что-то, спотыкаясь о кучи обледенелого кирпича и прутья арматуры. Идти было трудно. За пеленой пурги еле видна была редкая цепочка огоньков института.

– Погодите… – проговорил наконец Костенко. – Ей богу… Тяжело очень. Отдохнем немного.

Пискунов присел рядом с ним на корточки. Что же все-таки произошло? Он знал Урма, как никто в институте. Через его руки прошел каждый винтик, каждый электрод, каждая линза этого великолепного механизма. Он полагал, что может рассчитать и предсказать каждое его движение в любых обстоятельствах. И вот пожалуйста. Урм «самовольно» вышел из своего подвала и гуляет по электростанции. Почему?

Поведение Урма определяется его «мозгом», необычайно сложным и тонким аппаратом из германиево-платиновой пены и феррита. Если у обычной цифровой машины десятки тысяч триггеров – элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, то в «мозгу» Урма задействовано уже около восемнадцати миллионов логических ячеек. На них запрограммированы реакции на множество положений, на различные варианты изменения обстоятельств, предусмотрено выполнение огромного числа разнообразных операций. Что могло повлиять на «мозг», на программу? Излучение атомного двигателя? Нет, двигатель

окружен мощной защитой из циркония, гадолиния и бористой стали. Практически через эту защиту не может прорваться ни один нейтрон, ни один гамма-квант Тогда рецепторы? Нет, рецепторы еще сегодня вечером были в идеальном порядке. Значит, все дело в самом «мозге». Программа. Сложная новая программа. Пискунов сам руководил программированием и… Программирование… Так вот в чем дело!

Пискунов медленно поднялся.

– Спонтанный рефлекс! – сказал он. – Ну, конечно, это спонтанный рефлекс! Идиот!

Костенко испуганно взглянул на него.

– Не понял…

– А я понял. Разумеется… Но кто бы мог подумать? Все шло так хорошо…

– Глядите! – крикнул вдруг Костенко.

Он ахнул и вскочил на ноги. Серо-черное небо над институтом озарилось дрожащей голубой вспышкой, и на фоне этого зарева, удивительно четкие и в то же время какие-то нереальные, возникли из вихря пурги силуэты черных зданий. Редкая цепочка огней, отмечавшая ограду института, мигнула и погасла.

– Это трансформатор! – хрипло сказал Пискунов. – Подстанция как раз напротив реакторной башни! Там Урм… И охрана…

– Бежим! – предложил Костенко.

Они побежали. Это было не так просто. Встречный ветер валил с ног, они проваливались в рытвины, занесенные сухим снегом, падали, поднимались и падали снова.

– Скорей, скорей! – торопил Пискунов.

Слезы – от ветра и от волнения – заливали его лицо, стыли на ресницах мутными льдинками, мешали смотреть. Он схватил Костенко за руку и тащил за собой, продолжая хрипло бормотать.

– Скорей! Скорей!

По-видимому, вспышку над институтом заметили в городке. На окраине тревожно завыла сирена, осветились окна коттеджей, в которых располагалась охрана, по полю пробежал слепящий луч прожектора. Он выхватывал из мглы снежные барханы, решетчатые стойки столбов высокого напряжения, скользнул по каменной стене, окружавшей институт, и, наконец, уперся в ворота. У ворот торопливо двигались маленькие черные фигурки.

– Кто это… там? – задыхаясь, спросил Костенко.

– Охрана. Милиция, наверное… – Пискунов остановился, протер глаза, голос его прерывался. – Ворота…

заперли. Молодцы! Значит… Урм еще там.

По-видимому, тревога началась. Теперь уже не один, а три прожекторных луча шарили вдоль стены института. Было видно, как снежные смерчи танцуют в голубом свете. Сквозь шум и вой ветра доносились крики, кто-то сердито ругался. Наконец взревели моторы, послышался лязг гусениц. Гигантские тракторы-бульдозеры выходили из автопарка.

– Смотрите, Костенко, – проговорил Пискунов. – Смотрите внимательно. Мы присутствуем при самой необыкновенной облаве в истории человечества. Смотрите внимательно, Костенко!

Костенко искоса взглянул на Пискунова. Ему показалось, что по лицу инженера текут слезы. Впрочем, это могли быть слезы от ветра. Между тем лязг гусениц слышался уже не за спиной, а правее. Тракторы вышли на шоссе. Можно было уже различить дрожащие огоньки фар. Огоньков было пять.

– Пять против одного, – прошептал Пискунов. – У него нет никаких шансов. Спонтанная дуга здесь не поможет.

И вдруг что-то изменилось вокруг. Костенко даже не сразу понял, что именно. По-прежнему выла пурга, по-прежнему метались над землей тучи сухого снега, по-прежнему грозно и уверенно ревели моторы тракторов. Но лучи прожекторов уже не скользили по полю. Они неподвижно уперлись в ворота. А ворота были открыты настежь, и возле них никого не было.

– Что за дьявол? – сказал Костенко.

– Неужели он…

Пискунов не закончил, и они, не сговариваясь, побежали к институту. До ворот оставалось не больше двухсот метров, когда Пискунов, бежавший впереди, налетел на человека с винтовкой. Человек заорал в ужасе и шарахнулся было в сторону, но Пискунов ухватил его за плечи и остановил.

– В чем дело?

Человек ошалело вертел головой в милицейской шапке, выругался и, наконец, пришел в себя.

– Вырвался, – сказал он. – Вырвался. Опрокинул ворота и ушел. Чуть Макеева не потоптал. Я в городок за подмогой…

– Куда он пошел?

Милиционер неуверенно махнул рукой влево.

– Туда, кажется… На шоссе…

– Значит, сейчас на тракторы нарвется. Пойдем.

То, что произошло в следующий момент, запомнилось им на всю жизнь. Из крутящейся снежной мглы на них внезапно надвинулось нечто огромное, бесформенное, прямо в глаза им мигнули красные и зеленые огни, и резкий, лишенный интонаций голос произнес:

– Здравствуйте, как поживаете?

– Урм, стой! – закричал отчаянно Пискунов.

Костенко увидел, как побежал милиционер, как поднял руки и потряс кулаками Пискунов, затем исполинская фигура, окутанная паром, зловещее чучело, двинулась мимо него, высоко поднимая толстые, как бревна, ноги, и растаяла в пурге.

* * *

Старательно прикрыв за собой дверь, как он делал всегда, если дверь не была сломана, Урм шагнул и остановился. Все вокруг было полно звуков, движения, излучений. Ночь светилась феерическим пестрым калейдоскопом радиоволн. Впереди в тринадцати с половиной метрах было приземистое здание с широкими окнами, забранными в железные решетки. Стены его излучали яркий инфрасвет. Из здания доносилось низкое мощное гудение. В воздухе кружились миллионы снежинок. Оседая на граненых боках Урма, разогретых жаром атомного двигателя, они мгновенно таяли и испарялись.

Урм повертел головой и решил, что наиболее интересным и близким объектом исследования может быть только приземистое здание напротив. Вход он нашел сразу, заметив тропинку на подветренной стороне. Здание было обсажено низкими елками, и он немного задержался, сломав и осмотрев одну из них. Затем он открыл дверь и вошел.

Два человека, сидевшие у стола в тесной узкой комнатушке, вскочили при его появлении и с ужасом уставились на него. Он закрыл за собой дверь (и даже задвинул засов) и остановился перед ними.

– Как поживаете? – сказал он.

– Товарищ Пискунов? – растерянно спросил один из людей.

– Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? – равнодушно осведомился Урм.

Люди его не интересовали. Внимание его привлекло небольшое мохнатое существо, прижавшееся к стене в углу. «Теплое, живое, сильно пахнет, не Человек», – определил Урм и сказал:

– Здравствуйте, как поживаете?

– Р-р-р… – ответило с мужеством отчаяния существо оскалив белые острые зубы, и еще плотнее вжалось в угол.

Урм был поглощен собакой и совершенно безучастно отнесся к тому, что милиционеры ловко забаррикадировались столом и шкафом и стали торопливо расстегивать кобуры.

Жалобно визжа и поджав хвост, собачонка шмыгнула – мимо Урма. Но Урм был гораздо проворней собаки. Он был проворней любого, самого проворного животного на свете. Туловище его молниеносно и бесшумно сделало полоборота, и длинная, вытянувшаяся, словно подзорная труба, рука схватила собачонку поперек туловища. В то же мгновение раздался выстрел: нервы одного из милиционеров не выдержали. Пуля звонко щелкнула о панцирь, прикрывающий спину Урма, и рикошетом влипла в стену. Посыпалась штукатурка.

– Сидоренко, отставить! – крикнул другой милиционер.

Урм выпустил дрожащую собачонку и уставился на людей, бледных, но очень решительных, державших оружие на изготовку. Он с любопытством понюхал. В воздухе расплывался незнакомый запах бездымного пороха. Собачонка забилась под ноги милиционеров, но Урм уже утратил интерес к ней. Он повернулся и дви-

нулся к следующей двери, на которой красовалось изображение черепа и скрещенных костей, пронзенных красной молнией. Милиционеры, оторопев от изумления, смотрели, как его клешневидные пальцы нащупывают рубчатый барабан замка. Дверь отворилась. Тогда оба они, опомнившись, бросились за ним:

– Стой! Назад! Нельзя!

Они цеплялись за его бронированные бока, забыв обо всем на свете, в ужасе от одной мысли о том, что может натворить в трансформаторе это железное чудовище.

Но Урм просто не замечал их. Их усилия не производили на него никакого впечатления. С таким же успехом они могли пытаться остановить на ходу трактор. Тогда один из них, оттолкнув товарища в сторону, в упор, снизу вверх выпустил в голову Урма всю обойму. За-

литый светом зал подстанции огласился грохотом выстрелов.

Урм пошатнулся. Вдребезги разлетелась эбонитовая раковина правого акустического рецептора. Сорвался и повис, болтаясь на проволоке, изогнутый рог локатора. Зазвенело разбитое стекло в потолке.

Урм никогда еще не подвергался нападению. У него не было инстинкта самосохранения и не было опыта борьбы против человека. Но Урм мог сопоставлять факты, делать логические выводы и избирать линию поведения, максимально обеспечивающую ему безопасность. На все эти мыслительные операции у него ушли доли секунды. В следующий миг он повернулся кругом и пошел на людей, угрожающе выставив страшные клешни.

Милиционеры разделились. Один отбежал за распределительный щит, другой прыгнул за массивный стальной кожух ближайшего трансформатора, торопливо перезаряжая пистолет.

– Сидоренко! Беги в дежурку, звони, объявляй тревогу! – крикнул он.

Но Сидоренко никак не удавалось добежать до двери. Урм передвигался гораздо быстрее, чем человек, и стоило милиционеру высунуться из-за распределительного щита, как Урм в два шага оказывался перед ним. Тогда люди решили выбежать одновременно. Это не удалось: Урм носился от щита к трансформатору со скоростью курьерского поезда.

Распределительный щит треснул поперек от неловкого толчка Урма, через пулевые отверстия в окнах и

стеклянном потолке свистел ветер.

Наконец Урму надоела эта игра, и он решил оставить людей в покое. Он вдруг остановился перед трансформатором и решительно запустил руки под кожух. Милиционеры воспользовались этим и стремглав бросились в дежурку. В то же мгновение раздался оглушительный треск, все вокруг озарилось ослепительной голубой вспышкой, и свет погас. Острый запах горелого металла, дыма, горячего лака хлынул из зала. Оглушенные, подавленные милиционеры не сразу сообразили, что произошло. А затем дежурка затряслась от тяжелых шагов, и резкий голос произнес в темноте:

– Здравствуйте, как поживаете?

Щелкнула задвижка. Со скрипом отворилась дверь, в мутном прямоугольнике на секунду обозначились грузные очертания железного чудища, и дверь снова закрылась.

Урм шел по территории института, увязая в снегу и высоко поднимая ноги. Институт был погружен во мрак, и в этом мраке мало помогало даже инфракрасное зрение Урма. Он различал только слабое сияние вокруг собственного живота и ног, на которых таяли и испарялись снежинки. Несколько слабо фосфоресцирующих силуэтов людей промелькнуло между зданиями. Урм не обратил на них внимания. Он шел, ориентируясь по показаниям локатора, хотя один рог локатора был сбит пулей и правильно определять расстояния было теперь невозможно.

Урма заинтересовали далекие огоньки городка, едва мерцавшие сквозь пургу. Затем там вспыхнули яркие

голубые лучи прожекторов. Он дошел до стены, поколебался и повернул налево. Он хорошо знал, что в стенах всегда бывают двери. И вскоре оказался у ворот. Ворота были большие, железные. Важнее всего, однако, было то, что они оказались заперты. За воротами слышались встревоженные голоса людей, через щель пробивался яркий голубой свет.

– Здравствуйте, – сказал Урм и навалился на ворота. Ворота не поддавались. Они были заперты крепко. Где-то далеко послышался лязг металла. Там, за воротами, происходило что-то очень интересное. Урм нажал сильнее, затем отошел, запрокинул голову и с разбегу ударил в ворота бронированной грудью. Голоса за воротами смолкли, потом кто-то крикнул неуверенно:

– Назад! Эй, гляди, не стреляй в этого дьявола!

– Здравствуйте, как поживаете? – сказал Урм, разбежался и ударил снова. Ворота рухнули. Засов оказался сильнее шарниров, заделанных в бетонную стену, и ворота легли на снег плашмя, как настил. Урм прошел по ним мимо разбегавшихся милиционеров и окунулся в пургу, бушевавшую в открытом поле.

Он шагал, едва успевая восстанавливать равновесие на разрытой земле, покрытой зыбким морем сухого снега. Раз под его ногой разверзлась пустота, и он упал. Снег зашипел под ним. Он никогда раньше не падал, но уже в следующий момент уперся руками в землю, вытянул их на всю длину и поджал под себя ноги.

Поднявшись, он постоял оглядываясь. Впереди мерцали огни коттеджей. Слева, совсем рядом, маячили три человеческие фигуры, дальше – рычали машины, це-

почкой двигавшиеся к воротам. Урм повернул налево. Проходя мимо людей, он поздоровался с ними и тут же узнал в одном из них Хозяина. Хозяин мог лишить его возможности двигаться. Урм отлично помнил это и пошел быстрее. Хозяин скрылся позади в вихрях крутящегося снега.

Он вышел на плоское укатанное место. Яркий свет озарил его с головы до ног. Громоздкие металлические чудовища, неся перед собой тяжелые щиты, надвинулись на него и остановились, сердито отфыркиваясь.

Урм стоял в пяти шагах от переднего бульдозера, медленно поворачивал свою круглую голову направо и налево и повторял:

– Здравствуйте, как поживаете?

Николай Петрович Королев соскочил с трактора. Водитель испуганно крикнул:

– Куда вы, товарищ инженер?

И в этот момент на шоссе появился Пискунов. Взъерошенный, с вздыбившимися волосами (шапка осталась где-то на пустыре), глубоко засунув руки в карманы распахнутой дохи, он обошел бульдозер и остановился перед Урмом. Их разделяло не больше пяти шагов. Урм громоздился над инженером, словно башня, его граненые бока блестели в свете фар, окутанный паром живот лоснился от влаги, круглая голова с большими стеклянными глазами, растопыренными ушами рецепторов и рогом локатора была похожа на страшную и смешную маску из тыквы, какими в деревнях парни пугают девчат. Голова равномерно покачивалась, глаза следили за каждым движением Пис-

кунова.

– Урм, – громко сказал Пискунов.

Голова застыла неподвижно, суставчатые руки прильнули к туловищу.

– Урм, слушай мою команду!

Урм ответил:

– Я готов.

Кто-то нервно рассмеялся. Пискунов шагнул вперед и положил руку в перчатке на грудь Урма. Его пальцы торопливо поползли по броне, нащупывая главное – замыкатель, соединяющий счетно-анализаторскую часть мозга Урма с системой силы и движения. И тут случилось неожиданное – неожиданное для всех, кроме Пискунова, боявшегося этого больше всего. По-видимому, в памяти Урма сохранились ассоциации, связывающие этот жест Хозяина с внезапно возникающей неспособностью двигаться. Едва пальцы Пискунова коснулись ключа, как Урм резко повернулся. Бронированная рука стремительно прошла над головой успевшего пригнуться Пискунова, и Урм, не торопясь, двинулся обратно по шоссе. Николай Петрович первым пришел в себя.

– Эй, ребята! – крикнул он. – Заводите бульдозеры справа и слева! Отрежьте ему дорогу к воротам… Пискунов! Эй, Пискунов!

Но Пискунов не слушал. Пока бульдозеры расползались по обе стороны от шоссе, ныряя в снежных тучах, он побежал за Урмом.

– Стой, Урм! – кричал он высоким, срывающимся голосом. – Стой, скотина! Назад! Назад!

Он задохнулся. Урм шел все быстрее, и расстояние между ними постепенно увеличивалось. Наконец Пискунов остановился, сунул руки в карманы и, втянув голову в плечи, стал смотреть ему вслед. Николай Петрович и Рябкин подбежали к нему. Последним подошел Костенко.

– Ну куда тебя понесло? – сердито сказал Королев. Пискунов не ответил.

– Он не повинуется, – проговорил он. – Понимаешь, Коля? Не повинуется. Ясно, это спонтанный рефлекс.

Николай Петрович кивнул.

– Я тоже догадался.

– Еще бы! – воскликнул Рябкин. – С таким же успехом вы могли бы предоставить железнодорожным составам самим выбирать время и путь следования…

– Что это такое – спонтанный рефлекс? – робко спросил Костенко.

Ему не ответили.

– И все-таки, несмотря ни на что, это замечательно. – Николай Петрович высморкался, сунул платок за пазуху. – Он не повинуется! Надо же…

– Идем! – решительно сказал Пискунов.

Тем временем бульдозеры развернулись в полукольцо и стали стягиваться вокруг Урма, неторопливо шлепавшего по шоссе. Один из бульдозеров выполз на шоссе впереди него, кормой к воротам, другой нагонял его сзади, остальные три приближались с боков – два слева, один справа. Конечно, Урм давно заметил, что его окружают, но, вероятно, не придал этому значения. Он продолжал двигаться по шоссе, пока не уперся грудью в бульдозер. Он надавил, трактор чуть качнулся, водитель с напряженным лицом схватился за рычаги. Урм отошел и ударил с разбегу. Железо лязгнуло о железо, и было видно, как снежную мглу под прямым лучом фары прорезали яркие искры. В то же мгновение щит заднего бульдозера уперся в спину Урма. Урм застыл неподвижно, только голова его медленно поворачивалась вокруг оси, точно школьный глобус. Справа и слева подошли еще два бульдозера и плотно закрыли последние пути к отступлению. Урм оказался в плену.

– Товарищи инженеры! Товарищ Пискунов! Что дальше делать? – закричал водитель первой машины.

– Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? – сказал Урм.

Он размахнулся и ударил по щиту. Затем еще и еще. Он бил равномерно, словно боксер на тренировке, слегка отклоняясь при каждом ударе, и из-под его палицеобразных рук с лязгом сыпались снопы искр. Пискунов в сопровождении Николая Петровича, Рябкина и Костенко поспешил к нему.

– Надо скорее что-то предпринять, иначе он покалечит себя, – встревоженно сказал Рябкин.

Пискунов молча полез на гусеницу трактора, но Рябкин схватил его и стянул обратно.

– В чем дело? – раздраженно спросил Пискунов.

Рябкин сказал:

– Ты – единственный человек, который знает Урма до тонкостей. Если он тебе вмажет… это дело может затянуться на несколько месяцев. Должен идти кто-то другой.

– Правильно, – поспешно сказал Николай Петрович. – Я пойду.

Один из рабочих, обступивших инженеров, вмешался:

– Может, кого из нас выберете? Мы помоложе, ловчее…

– Я, – хмуро сказал Костенко.

– Это не пойдет, – сказал Николай Петрович. – Пискунова не пускайте.

Он сбросил шубу и полез на трактор. Тогда Пискунов рванулся из объятий Рябкина.

– Пустите, Рябкин.

Рябкин не ответил. Костенко подошел с другой стороны и крепко взял Пискунова за плечи.

А Урм бушевал. Нижняя часть его тела была плотно зажата бульдозерами, но верхняя двигалась свободно, и он молниеносно поворачивался из стороны в сторону,

наотмашь колотя стальными кулаками по железным щитам. Клочья пара крутились над ним, в снеговой мгле. «Живая сила удара кулака – триста кило», – вспомнил Костенко.

Николай Петрович, стиснув зубы, сидел на корточках между бульдозерами в ногах Урма и ждал подходящего момента. От лязга и грохота болели уши. Он знал, что Урм заметил его – стеклянные глаза, то и дело настороженно мерцая, обращались к нему.

– Тише, тише, – одними губами шептал Николай Петрович. – Урм, голубчик, тише! Да тише же ты, подлец!

Какой-то новый звук возник при ударах, что-то треснуло – не то стальная рука Урма, не то щит бульдозера. Медлить больше было нельзя. Николай Петрович нырнул под кулак Урма и прижался к его боку. И тут Урм снова поразил всех. Руки его упали. Грохот прекратился, снова стало слышно, как воет пурга над полем и фыркают моторы тракторов. Николай Петрович, бледный и потный, выпрямился и протянул руки к груди Урма. Раздался сухой щелчок. Зеленые и красные огоньки на плечах Урма погасли.

– Все, – просипел Пискунов и закрыл глаза.

Люди сразу заговорили преувеличенно громко, послышались смех и шутки. Водители помогли Николаю Петровичу выбраться из-под Урма и под руки свели его на землю. Пискунов обнял его и поцеловал.

– А теперь, – сказал он отрывисто, – в институт, будем работать. Понадобится – неделю, месяц… Надо выбить из него эту дурь и сделать его все-таки Урмом –

Универсальной рабочей машиной.

– Так что же случилось с Урмом? – спросил Костенко. – И что такое спонтанный рефлекс?

Николай Петрович, усталый и осунувшийся после бессонной ночи, сказал:

– Видишь ли, Урм конструировался по заказу Управления межпланетных сообщений. Тем он и отличается от других самых сложных кибернетических машин, что предназначен для работы в условиях, которые не в состоянии предсказать точно даже самый гениальный программист Например, на Венере. Кто знает, каковы там условия? Может быть, она покрыта океанами. А может быть, пустынями. Или джунглями. Послать туда людей пока невозможно – слишком опасно. Будут посланы Урмы, десятки Урмов. Но как их программировать? Все горе в том, что при нынешнем уровне кибернетики нельзя еще научить машину «мыслить» абстрактно…

– То есть?

– Для машины нет собаки вообще. Для нее есть только та, другая, третья собака. Встретив четвертую, не похожую на первых трех, машина уже не будет знать, что делать. Грубо говоря, если Урм запрограммирован на определенную реакцию только в отношении дворняги, он не сможет реагировать так же в отношении мопса. Простой пример, конечно, но полагаю, ты меня понимаешь. В этом и есть одно из основных отличий самой умной машины от самого глупого человека – неспособность оперировать абстрактными категориями. Так вот, Пискунов попытался возместить этот не-

достаток путем создания самопрограммирующейся машины. «Мозгу» Урма была задана рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы заполнять самостоятельно пустующие ячейки памяти. Пискунов рассчитывал, что «набравшись впечатлений», Урм будет способен без помощи человека подбирать наиболее выгодные линии поведения для каждого нового случая. Это самая совершенная в мире модель сознания. Но результат получился неожиданный. То есть теоретически Пискунов допускал такое явление, однако практически… Короче говоря, новая рефлекторная дуга породила десятки вторичных, не предусмотренных программистами рефлексов Пискунов окрестил их спонтанными рефлексами. С их появлением Урм перестал действовать по своей основной программе и начал «вести себя».

– Что же теперь делать?

– Будем идти по другому пути. – Николай Петрович потянулся и зевнул. – Будем совершенствовать анализаторские способности «мозга», рецепторную систему…

– А как же спонтанный рефлекс? Никто им не интересуется?

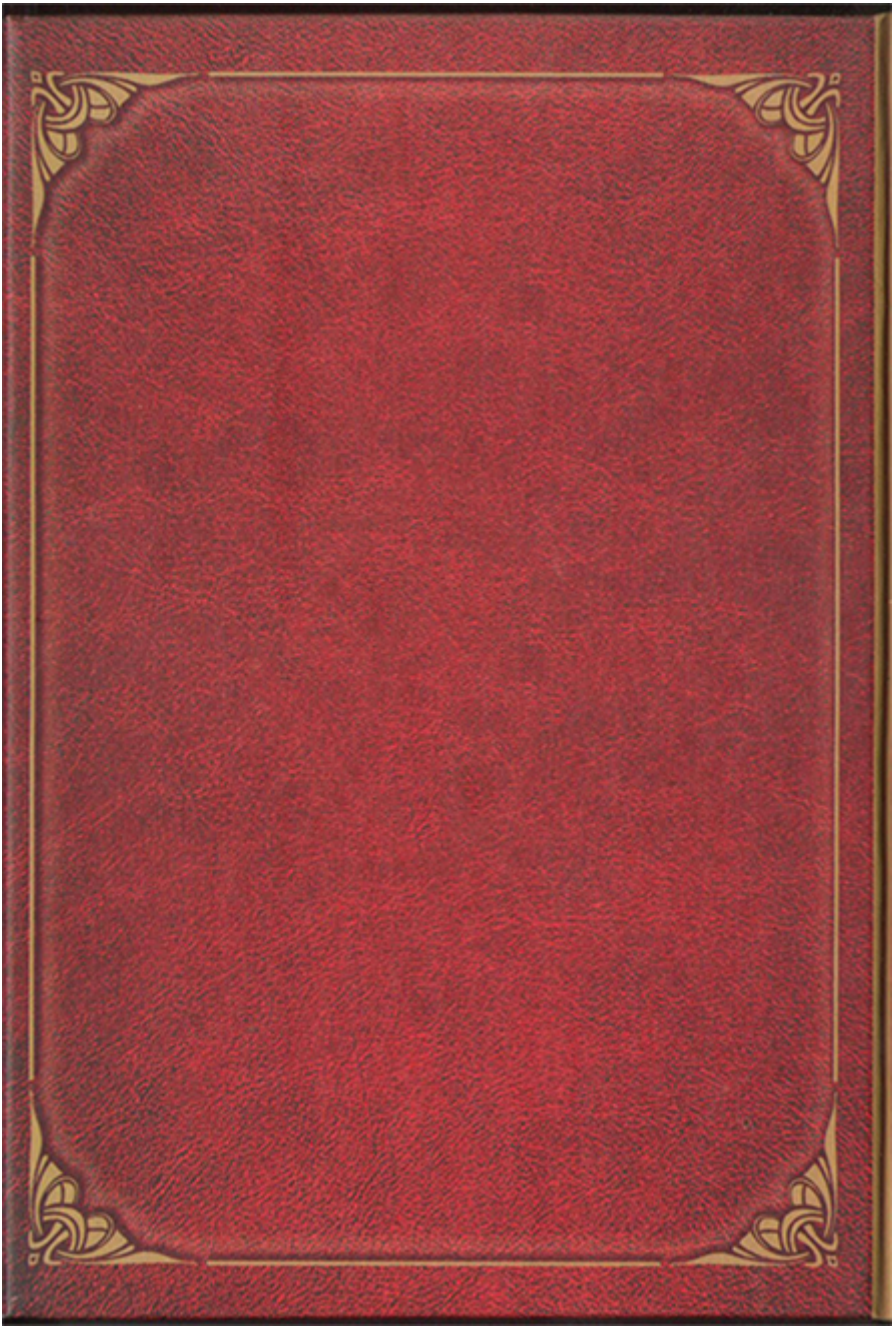
– Ого! Пискунов уже что-то задумал… Одним словом, первыми на неизведанных планетах и в неизведанных океанских глубинах будут все-таки Урмы. Людьми рисковать не придется… Слушай, Костенко, давай пойдем спать, а? Будешь у нас работать и все узнаешь, даю тебе слово.

1958 г.

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

При изготовлении этой книги использовались:

1. Текст рассказа, 1-го издания в журнале «Знание - сила» 1958 г. №8
2. Элементы оформления рассказа разных изданий.
3. Иллюстрации художников И. Ушакова, В. Викторова, Hans Räde

Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена
для любого коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

ЭЛЕКТРОКНИГА
2014 г.